

Водный павильон располагался в самой северной части поместья Белого Журавля, и слово «глушь» было слишком мягким для описания его местоположения. Дорога туда вела по неровной каменистой тропе, но сам дом окружал ухоженный сад в духе древней простоты. Огромное дерево с пышной кроной почти полностью скрывало ворота — место и впрямь подходящее для отшельника или спящего бессмертного.

А-Нин стоял на страже у входа. Гостевые покои уже привели в порядок, но, поскольку комната была всего одна, остальная свита князя Сяо осталась в просторном солнечном доме, который приготовил для них глава поместья Лю. Это было особое расположение.

— Где вино? — Лян Шу шагнул во двор.

А-Нин быстро сбежал в главный зал и принёс две маленькие кувшинки, ради которых они тащились сюда весь путь.

Лю Сюаньань, стоя рядом, украдкой погладил свой кадык.

Лян Шу, откинув полу одежды, сел на скамью:

— А ты пей чай.

Лю Сюаньань: ...

Горло действительно болело, и ему пришлось довольствоваться чаем. Напиток был пресным, а в нос било ароматом вина с противоположной стороны стола. От такого чаепития становилось только скучнее. До воображаемой идиллии за дружеской беседой с вином было очень далеко. Лю Сюаньань пил, пил — и мысли его снова унеслись невесть куда.

Лян Шу поставил чашку:

— На северо-западе есть похожее вино.

Лю Сюаньань вернулся к реальности:

— Какое вино на северо-западе?

— Называется «Сто богов в тоске». — Лян Шу усмехнулся. — Имя громкое, а вино — не из знатных. За одну монету кувшин. Местные сами варят. Горит в горле, душит. Как-то раз поэты поехали в пустыню за вдохновением — стихов не написали, зато сутки пролежали в песках пьяные в стельку.

Лю Сюаньань рассмеялся: выходило, что напиться вдрызг под бескрайним небом пустыни — это тоже романтично.

Лян Шу покачал головой:

— Если бы не А-Юэ со своим дозором, которые их подобрали, они бы уже превратились в сушёные трупы. Сам побываешь на северо-западе, сам увидишь ту пустыню — поймёшь, что это края, что сожрут и костей не выплюнут. Когда песчаная буря поднимается, всё небо становится жёлтым, и не разберёшь, где восток, где запад. Только прижмись к верблюду да жди, пока само пройдёт.

В таких условиях одно выживание уже подвиг, не то что войну вести. Лю Сюаньань подумал, что он бы, наверное, и часа не продержался — сразу бы вознёсся на журавле в обитель Дао. А

Лян Шу не только границу удерживал, но и время нашёл, чтобы в Городе Белого Журавля вина испить, да ещё и юго-западными еретиками, и беженцами со всех сторон занимался. При этой мысли в нём вспыхнуло редкое чувство глубокого уважения.

Через мгновение он не удержался и спросил:

— Ты устаёшь?

Этот вопрос был из той же породы, что и прежние слова Лян Шу про «мир, в котором только ты один». Оба были достаточно умны, чтобы обходиться без лишних пояснений, уверенные, что другой поймёт. Лян Шу и вправду понял. Он слегка улыбнулся:

— Привык.

Сказал это легко, но Лю Сюаньань вспомнил про его старые раны. Он протянул руку и двумя пальцами приложился к запястью Лян Шу.

Тот снова незаметно подменил истинный пульс.

Второй господин Лю пнул его под столом ногой.

Лян Шу тихо рассмеялся и на этот раз не стал дразнить. Лю Сюаньань долго и внимательно слушал, а затем изрёк:

— Всё равно нужен покой. Хотя бы на три месяца.

Та же самая фраза из уст придворного лекаря вызвала бы у князя Сяо лишь раздражение. Но сейчас её произнёс второй господин Лю — и, возможно, потому, что нахмуренные брови его выражали искреннюю тревогу, — Лян Шу ответил:

— Ладно.

«Ладно» звучало крайне небрежно. Лю Сюаньань не верил, что его послушают. Лян Шу и не собирался слушаться. Даже эти три дня в поместье Белого Журавля были для него редкой и украденной передышкой — и то беспокойной, ведь приходилось думать о беженцах и о сбежавшем Фэн Сяоцзине.

Он снова опрокинул чашку.

Лю Сюаньань предупредил:

— Вино-то крепкое.

Лян Шу не придавал этому значения. Какое вино на северо-западе не крепкое?

И Лю Сюаньань принялся ждать, когда же тот опьянеет. Но так и не дождался. Выносливость князя Сяо к хмельному оказалась поистине исполинской. Под конец его взгляд не помутнел ни на йоту, настроение лишь поднялось. Он отодвинул от себя посуду:

— Пойдём, прогуляемся.

Лю Сюаньань тут же облокотился на А-Нина:

— Уже поздно, я устал.

— А ты когда не устаёшь? — Лян Шу ухватил его за запястье. — Пошли.

А-Нин мгновенно отскочил в сторону. Такой шанс выпадал нечасто — не у каждого хватало умения выгнать господина из дома.

И вот все ученики поместья Белого Журавля стали свидетелями незабываемого зрелища: их второй господин уселся на землю и закатил истерику, а князь Сяо, не обращая на то внимания, потащил его за собой — точь-в-точь как разбойник, умыкающий невесту.

Все остолбенели.

Лю Фушу и госпожа Лю, выслушав рассказ, переглянулись. Как... как они успели стать такими близкими? Единственной, кто искренне обрадовался, была, пожалуй, Лю Наньюань. Она подумала, что брат и вправду молодец — за такое короткое время сумел завести столь тесную дружбу с князем Сяо. Значит, её теперь точно не станут принуждать к замужеству? С лёгким сердцем взяла она служанку и отправилась гулять по городу.

А после того как Лян Шу и Лю Сюаньань прошли по улицам, почти все горожане повысыпали из домов поглазеть на князя. Чан Сяоцю тоже поспешил усесться в коляску, чтобы Чан Сяохань выкатил его из лечебницы. Сперва он хотел было стоять с мечом наперевес, но ноги заныли нестерпимо, и от героической позы пришлось отказаться — сидел смирно.

В тот день Город Белого Журавля был оживлённее, чем в Новый год.

В харчевнях и чайных, в певческих и музыкальных домах — везде горели огни. Хозяин лавки парчи поспешил развесить товары: во дворце, конечно, недостатка в прекрасных тканях нет, но мало ли? Лян Шу, заложив руки за спину, стоял в конце длинной улицы и смотрел на этот утончённый и нарядный городок, на суетящихся в праздничном оживлении людей — и почти неслышно вздохнул.

Лю Сюаньань сказал:

— Рано или поздно вся Великая Янь станет такой.

Лян Шу дёрнул бровью:

— Так ты ещё и чужие мысли читать умеешь?

Лю Сюаньань ответил честно:

— Людские сердца — не такая уж сложная загадка.

— Ну тогда скажи, сколько времени понадобится, чтобы во всей Великой Янь воцарился покой?

— Трудно сказать. Сто лет, двести, пятьсот — всё возможно.

— Ого, так долго. — Лян Шу усмехнулся. — Значит, я не доживу. Может, и всю жизнь провоюю, а страна так и останется такой же беспокойной.

— Нет. — Лю Сюаньань на мгновение задумался, а потом медленно проговорил:

— Даже если мы не доживём, это не значит, что всё, что делает князь сейчас, — бессмысленно. Жир в светильнике сгорит, но огонь передадут дальше. Наши потомки когда-нибудь дождутся.

Тут его снова продуло ветром, и он кашлянул. Рядом как раз была лавка парчи. Лян Шу наугад вытащил плащ-накидку и протянул Лю Сюаньяню:

— Пойдём, на ту сторону посмотрим.

Хозяин лавки, человек смелый, так и расцвёл. Он замахал руками, отказываясь от денег, и тут же принялся расхваливать товар:

— А эта парча тоже отменная — на ощупь как снег. Не угодно ли второму господину Лю взглянуть?

Лю Сюаньянь смотреть совсем не хотелось. Его старый, пыльно-серый балахон казался ему куда лучше — и в движении, и в покое удобен, да ещё и не мнётся. Лян Шу тоже не планировал здесь задерживаться. Если уж говорить о снеге, то среди дани была одна ткань, сотканная в Цзяннани. Названия он не помнил, только слышал когда-то, как старая наложница со смехом говорила: кто-то предлагал тысячу золотых, да не смог и лоскутка добыть для своей красавицы.

— О чём задумался, князь? — спросил Лю Сюаньянь.

Лян Шу окинул взглядом его просторный поношенный балахон и новую, но безвкусную накидку. Пожалуй, на всём белом свете только этот человек мог сочетать такие вещи и выглядеть при этом сносно.

— Может, в южную часть города ходим? — предложил Лю Сюаньянь. — Там потише. Я видел, власти уже прислали людей — они помогут разогнать толпу.

Лян Шу глянул на улицу: народ и вправду уже расходился. Лишь один юноша в коляске всё ещё вытягивал шею, стараясь разглядеть их получше, — лицо его сияло от восторга.

Лян Шу изрёк:

— На дурака похож.

Лю Сюаньянь вступился:

— В общем-то, ничего.

Чан Сяоцю нарочно велел Чан Сяоханю катить коляску помедленнее и, улучив момент, подозвал Лю Сюаньяня. Глаза его горели нетерпением:

— Только что князь на меня посмотрел, а потом что-то сказал. Что именно?

Лю Сюаньянь, глядя в его полные надежды глаза, кратко ответил:

— Сказал, что ты, в общем-то, ничего.

Это не была ложь.

Князь и вправду на тебя посмотрел.

А я и вправду сказал, что ты ничего.